

лежат еще более важные обязанности по отношению к собственной душе. Исполнение этих последних не только самоценно, но и обуславливает успешность исполнения первых. Борьба с страстями, достижение чистоты и красоты души — в этом главный и нравственный долг правителя. Душа идеального царя, украшенная добродетелями, словно солнце освещает все кругом и оплодотворяет для добра. «Свѣтлѣйшю солнца звѣзду нѣсть смотрити въ твердѣ небеснѣй, едино бо то своими лучами осіяваетъ всю вселенную; сице и душа благовидная благовѣрнаго царя, правдою и кротостію и чистотою и щедротами украшаема же и веселящися, все еже подъ нею и окрестъ ея подручное осіяваетъ же и украшаетъ и на преспѣяніе добрыхъ дѣлъ своимъ нарочитымъ жительствомъ увѣщаетъ тщитися всегда, имъ же образомъ и солнце теплотою своею землю и яже на ней сады плодоносить готовляетъ».¹ Из всех попыток нравственного воздействия на молодого царя «Главы» Максима выделяются решительно. Нигде вопрос о власти не ставился на такую идейную высоту и не получал такого освещения. Знаменитый Сильвестр не обошелся без нравственной кривизны в своих наставлениях царю: он старался запугать его «чудесами», в истинности которых сомневался даже Курбский, назвавший Сильвестра за этот благочестивый обман «льстецом истинным».² Гораздо честнее был другой участник избранной рады — митрополит Макарий, но наставления его не отличались достаточной широтой и силой. Еще одно из поучений к царю, относящееся к той эпохе, так называемое Сильвестровское послание (появившееся, как думают, около 1550 г.), было слишком многословно по форме и скудно по содержанию, ограничиваясь бичеванием содомского греха. Только «Главы» Максима, охватывая весь вопрос в целом, давали ему постановку, наиболее широкую из всех, какие только возможны были на почве византийской культуры. Повидимому, сам автор признавал эту предельность своего достижения, без ложной скромности заметив, что «Главы» его написаны «мудро добрѣ».³ Именно здесь в «Главах» Максима полагались идейные основы для первых лет царствования Ивана.

§ 12. В другом произведении, в послании к царю,⁴ появившемся, вероятно, вскоре после «Глав» и не позднее 1551 года, Максим Грек еще

¹ Каз. изд., II, 164, 165.

² Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 169 (Русск. ист. библ., т. XXXI, СПб., 1914).

³ Каз. изд., II, стр. 383.

⁴ «Инокъ Максима Грека посланіе къ благовѣрному царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Русіи», после обращения: «Благовѣрнейшему и боголюбивому царю и самодержцу всея Русіи, преславному государю великому князю Іоанну Васильевичу, нищій твой государевъ богомолецъ Максимъ инокъ изъ Святыя Горы смѣя и не смѣя, низко челомъ біеть»,